

Литературный альманах «Тверь». Тверь: Изд-во «Ванчакова линия», 2014. Вып. 14. С. 321-340.

Валерий РЕДЬКИН

Критик, поэт, литературовед

Член Союза писателей России, Заслуженный работник высшей школы РФ, председатель правления Тверского отделения СПР, доктор филологических наук, Почетный профессор Тверского государственного университета, заведующий кафедрой. Автор пятнадцати книг. Лауреат литературных премий им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и им. Николая Гумилева. Тверь.

«Я ШАГАЮ ВОЛЬНОЮ РОССИЕЙ...»

Тверское отделение Союза писателей: новые имена

В последнее время в Тверское отделение Союза писателей были приняты поэты А.В. Устьянцев, Н.В. Веселова, В.А. Королев, В.Л. Карпицкая, А.Т. Левитин, Т.А. Мчедлишвили (Смирнова), Л.В. Соломонова (Колесник), В.И. Преображенский, Л.Г. Гордеева (Семенова), Е.В. Бурчилина, Ф.А. Иванов. Рекомендованы в члены Союза писателей России поэты В.П. Петровская, С.Н. Усицков, И.В. Демидов, Б.А. Рапопорт. Все они имеют общие черты, отражающие нашу историческую эпоху, мир чувств и настроений современного человека, признаки основных стилевых течений в современной поэзии и заключают в себе индивидуальные особенности, связанные с неповторимостью личности каждого автора. Попытаемся выявить творческое своеобразие наиболее продуктивных поэтов, занявших определенную нишу в современной тверской литературе и пока не получивших достаточно серьезного отклика в критике.

К **конкретно-реалистическому** стилевому течению можно отнести творчество А.Т. Левитина, Т.А. Мчедлишвили, В.И. Преображенского, Е.В. Бурчилиной, Ф.А. Иванова, С.Н. Усицкова, И.В. Демидова, Б.А. Рапопорта. **Борис Абрамович Рапопорт** родился в Луганской области в 1947 году, закончил Московский госуниверситет и более сорока лет работал журналистом. Первые стихи напечатал ещё в детском возрасте в «Пионерской правде» и молодежном журнале «Смена». Автор четырех поэтических сборника. Почетный работник печати. Лауреат литературной премии имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Живет в Вышнем Волочке.

Многие его стихи отражают немудреный быт простых людей («Моют окна», «Практика», «Магазинчик на Урицкой», «Бабушка», «Туфельки» и т.д.) По его словам, он передает «Житейскую прозу». Поэт умеет увидеть высокую поэзию в обыденной жизни. Для него важны каждая деталь, каждый жест, каждый оттенок окружающего мира:

Бабушка во дворике за полдень
Варит из крыжовника варенье,
Смотрит в таз, что ягодой заполнен,
Как художник на своё творенье.
А в тазу гудящем и прожженном,
На осеннем солнышке горя,

Закипает сахарный крыжовник
Пеной кружевного янтаря.¹

Он передает ценность и привлекательность вещного мира: «И каравай, и караван, и камень. / О счастье ощущаемых вещей!», «»Извечное натурное начало / куда важней движения души».

В поэзии Рапопорта доминирует оптимистический, воспевающий пафос: «Я шагаю вольною Россией, / И у этой медленной воды / Думаю о великой русской силе, / Всюду оставляющей следы». Он утверждает свое «высокое гражданство, свою «причастность ко всему», видит свое предназначение в том, чтобы «писать о радости взхлёб». «А жизнь прекрасна и сладка!», – вот его кредо. Конечно, он пишет и о трагических событиях жизни: «Как и многим в России, досталось и мне / от жестокой, / от ельцинской той лихо-радки, / что и ныне гуляет ещё по стране / на подметках / у гладких и падких на взятки...». Но напряжение снимает вечная и великолепная российская природа, и «обмякает душа», примириаясь с жизнью. Поэт верит в возвращение и возрождение:

Хочешь счастья?
Возвращайся!
Дому старому – поклон.
Оглядишь, не обольщайся:
Видишь, сед твой ранний клён.
Видишь – бревна почернели,
паутину серебра,
кочаны закоченели
в огороде ноября.
Ты не веришь в запустенье.
Этот царственный покой,
словно дикое растение,
оживает под рукой.²

В то же время в стихотворении «Идеология» он выражает скептическое отношение к «гражданскому звучанию излишней полноты». Подчеркивая свою преданность России, поэт не отказывается от своих еврейских, украинских и казацких корней. («Идентификация», «Однажды в сизом утреннем тумане...», «В четвертой зоне, в мачтовом лесу...»):

Я иудей с освенцимской жаровни.
Я и Гулагом загнанный мужик
Или вчера в московской подворотне
Забитый бритой битою таджик –
мне несть числа,
болтаюсь под ногами,
И жертва, и свидетель, и укор,
Поскольку не прошёл я

¹ Рапопорт Б.А. Ветры марта. Стихотворения. – Вышний Волочёк: ГрафАрт, 2005. – С. 24.

² Рапопорт Б.А. Родинка. Избранные стихи. – Вышний Волочёк: ТОТ, 2011. – С. 7.

Вместе с вами
Тест на предмет
«Естественный отбор».¹

«А я пустынный, иудей, / бреду к тебе, моя страна», – пишет он в стихотворении «У речек, как и у людей...», – но вечность он постигает не через пески прародины, а через «крест слияния Волги и Тверцы», с чем связана его личная жизнь, его судьба.

Многие его стихи навеяны образами мировой культуры и русской литературы («Герда», «Андерсен», «Нидерландская живопись», «Мостик на академической даче художников», «Гоголь», «Андрей Болконский», «Фро») Бессмертными строками Пушкина навеяны стихи «Пушкин», «Вот Болдино. И карантин...», «Тени», «Тверь. Памятник Пушкину», «От Пушкина»

Замечательны стихи, посвященные соратникам по перу, Владимиру Соловьеву, Константину Рябенькому («Нечаянный снег», «Улица Смычки», «Мобильная связь»).

Для него святы семейные ценности и идеалы («Я старше стал отца не целый год...», «Глаза напротив», «Высокий возраст», «Живу, над тобою не властвую...», «Ты знаешь, а земля...»)

Привлекают в стихах Рапопорта объективность и историзм изложения событий прошлого, будь это смерть Сталина, бытовые неурядицы советского времени или проблемы империи («Империи», «Правда»). Он передает суть противоречивой эпохи («Один сгубил родной деревни душу...»)

Поэт склонен к лапидарному, афористичному выражению мысли: «Увы, красота не спасет того мира, / Который не в силах спасти красоту». Автор признается: «Сочиняю красивые и странные слова». И действительно он как будто смакует каждое слово, использует звуковые повторы. Тем не менее, некоторые образы поэта вызывают ощущение некоторой искусственности, придуманности: «Вот ветер, / Внезапно притихший, / Как кошка ползёт по трубе», «Ветер, / Неуравновешен, / Бьётся в стенку головой», «Будет прыгать, солнце сея, / говорливая вода», «Дымился, падал, / плавал звон, / как яблоко на блюде», «Солнце медной колокольной / Опять качается вдаль». Метафоры и сравнения подчас весьма приблизительны. Все-таки качается не медная колокольная, а медные колокола. А это можно себе представить? «На губах твоих капли, / как стеклянные свирели», «И пальцев алые рябины / чуть-чуть колышутся во сне» (видимо, имеется ввиду маникюр), Поэт не всегда удачно использует инверсию: «Когда звезда восточная волхвов / решила, наконец, остановиться».

В том же русле течет и совершенствуется творчество Станислава Усицкова. **Станислав Николаевич Усицков** автор четырех поэтических сборников. В его творчестве сочетаются два лирических пласта: социально-гражданственная лирика и лирика интимная, любовная, пейзажная. Но в любом случае это поэзия вполне конкретная, с четко прописанными деталями окружающего мира. Можно даже говорить о прозаизации стиха: «Открыт

---

¹ Рапопорт Б.А. Родинка. Избранные стихи. – Вышний Волочёк: ТОТ, 2011. – С. 123.

Когда огонь смеётся мне
И машет звёздам в поднебесье,
а у костра пригелась песня,
где ты румяна и душиста,
в ладошках дёргаешься твистом.¹

Обратили на себя внимание своим лиризмом и задушевностью поэтические сборники **Аркадия Тихоновича Левитина** «Моей любви живые строки...», «Неслышно наступает осень...», «Живу, люблю и в памяти храню...» По словам Е. Карасёва, «это – тихая рапсодия, искренняя и проникновенная».² Основные темы его поэзии это природа, стихи о любви, память войны, поиск веры. Он внес свой вклад и в тверскую пушкиниану. Как правило, стихи Левитина – это развернутая зарисовка. При этом он чаще всего использует смежную рифмовку, что сближает его стих с народным раешником:

Почувствуйте весны дыханье...
И ветра теплого шептанье
И птиц в округе щебетанье –
Природу будят ото сна...
И просыпается она!
Снега под солнцем тают,
Ручьями реки наполняют –
И ледяной кафтан им жмет,
Река своей свободы ждет!³

Из художественных средств выразительности наиболее актуальны для него яркая деталь и эпитет: «бурный шумный вал», «солнца яркий луч», «яблонь белый цвет», «губы алые твои», «Желтый лист березы». Используя разговорный язык, поэт пишет от имени участников сражений войны 1812 года и Великой Отечественной: «Сапогами землю-мать, / Не дадим врагу топтать! / Здесь ему устроим ад! / Клятву каждый дал солдат...» Так же просто и непритязательно звучат стихи, в которых развиваются христианские мотивы: «Утро... Народ в храмы идет, / Бога спросить – как дальше жить!? / Господи мой, нас успокой, / Нам помоги, обереги...»

Приоритет реалистичных и конкретных образов отличает и произведения Елены Бурчилиной. **Елена Валерьяновна Бурчилина** родилась и выросла в Вышнем Волочке. Училась в Торжокском политехникуме и Калининском государственном университете. Работала на трикотажной фабрике «Парижская коммуна», Борисковском стекольном заводе. Публиковалась в коллективных сборниках и альманахах. Её книги «Настроения» (1993), «Мои зеркала» (1997), «Автографы Любви» (2007), «Смех не грех» (2008) обрати-

¹ Усицков С.Н. Стихи // Тверь. Литературный альманах № 13. – Тверь: Ванчакова линия, 2013. – С. 114.

² Карасев Е.К. Я с большим интересом прочитал... // Левитин А.Т. Живу, люблю и в памяти храню... Стихотворения – Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2011. С. 3.

³ Левитин А.Т. Живу, люблю и в памяти храню... Стихотворения – Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2011. С. 7.

ли на себя своим профессионализмом. Более двадцати её стихотворений положены на музыку и многие из них вошли в репертуар известных музыкальных коллективов.

Многие стихи Бурчилиной основаны на конкретных фактах. Она подчеркивает: «Без сожаления мечты-журавлей / Я отпускаю в сумятице дней. / Довольствуюсь в буднях фактом-синицей». Её образы зримы и почти осязаемы. Вот как, например, отображает она утро, конечно доброе утро, обращаясь к форме верлибра:

Небо обнимет солнце,
Погладит землю лучами.
Согреется лес, отзовется
Птичьими голосами.
Цветы начнут просыпаться,
Доверчиво раскрываясь.
Бабочки в лёгком танце
С цветами разделят радость.¹

На зарисовках с натуры основаны её стихи «Вот река перебесилась половодьем...», «В дороге», «В лесу», «Под клёнами».

Её Бог – солнце, которому она возносит молитву: «Солнце, милое, влейся в меня / Доброю силою. Жаром огня / Сердце наполни и просвети, / Через ладони в душу войди!» В её аксиологии главная ценность – это жизнь: «Но самый первый и бесценный / Подарок мамы – это жизнь!» Но в сборнике «Настроения» был целый раздел «Путь к вере», в который включены стихи христианской ориентации: «Отчаявшись, устав и не любя / Я приоткрыла к вере тихо дверцу / И в храм вошла, чтобы понять себя, / А камень не за пазухой, на сердце».

Стих Бурчилиной традиционен, но она стремится к разнообразию ритмики и строфики, вплоть до сонета и сквозной рифмовки. Яркая образность, приоритет духовности, стремление понять суть мира сближают её лирику с поисками интеллектуалов. Характерно утверждение идеи бессмертия душ и их переселения: «И сбросив усталое тело, / Как старый помятый халат, / Уйду я в другие пределы, / Где смерть - это только закат / Недолгих земных воплощений, / Чтоб в муках мудрела душа...» Философский пафос заключен в её стихах «Мне память – зеркала осколки...»,

Лирическая героиня ощущает себя необычной не стандартной. Это придает ему черты романтизма. Подчас в нем воплощается субъективное видение истины и красоты: «– Рыжая! Меня дразнили в детстве», «А любимый тихо тронет косы / И прошепчет нежно: «Золотая!» Поэтесса ощущает своё родство с клоуном, который противостоит окружающему. На вопрос: «А много ль надо соловью, а значит, и поэту?» ответ прост: «Весну в родных краях и заросли», «Чтоб зимы все кончались веснами!»

Для неё важны нравственно-эстетические критерии: «Не бывает некрасивым добрый, / И красивым не бывает злой». Творчество, поэзия для неё са-

---

¹ Бурчилина Е.В. Автографы Любви. Стихи. – Вышний Волочёк: ТОТ, 2007. – С. 9.

моценны. «Не дай нам Бог дожить до той поры, / Когда умрет в моей Руси поэзия», – утверждает она. Постигая суть поэзии, она пытается подчеркнуть главные её черты, которые стремится воплотить в своём творчестве: «Стихи не надо сочинять – / Их надо пережить», «По листу узорами / Пусть ложится строчек вязь / В ритме вдохновения», «Я вылечу стихами эту боль», «Исповедуюсь в строчках», «Но, как искорками счастья, / Я стихами поделюсь», «Стихи посвящайте тому, кто восторжен, / В чувствах, поступках неосторожен...», «...Поэт свои стихи / Всем отдает, без исключенья», «И дано человеку слово, / Чтобы выразить мысль и душу, / Чтобы честно, светло и ново / Рассказать про море и сушу, / Чтоб воспеть небеса и тайну / И любви, и родного крова...» Она написала замечательные стихи, посвященные не только А. Пушкину, А. Ахматовой или С. Есенину, но и своим современникам, поэтам Верхневолжья В. Соловьеву, К. Рябенькому, Г. Брюквиной, В. Рысенкову, В. Грибниковой.

Представлена в её творчестве и тема войны. Это стихи о судьбах людей военного поколения («Дед на фронт с сынами уходил...», «Старый солдат», «Книга памяти», «9 мая»). Подводя итоги двадцатому веку, она в едином образе сочетает и его достижения и его трагизм:

Последняя осень двадцатого века
Плачет ночами о чём-то своём.
Тополь лысеющий, словно калека,
Веткою машет, как костылём.
И вроде бы тянет на гимны, итоги,
На оды свершеньям, на перечень дат...
Но жалкий и сирий в грязи у дороги
Стоит этот тополь, как старый солдат.¹

Есть у неё строки о современности с оттенком трагизма: «Травы не кошены, пашни не сеяны, / Тропки в бурьяне высоком потеряны». Но поэтесса верит в духовные силы России и посвящает ей проникновенные стихи, где выражает оригинальный и самобытный взгляд на её настоящее и будущее («День России», Русь моя»). Немало стихов она посвятила своей малой родине, Вышнему Волочку («В родном городе», «Горбатый мостик», «Вышний Волочёк», «Волочёк»)

Лирическая героиня – женщина, и женское начало проявляется в повышенной эмоциональности, в теме любви и материнства. «Но я – женщина, слишком я женщина, / Чтоб не верить больше в любовь», – подчеркивает поэтесса. В последнем сборнике сквозным образом становится бабье лето («Бабье лето», «Умчалась весна как шальная карета...», «Я иду по тропинке...»). Поэтесса «Глупеет от счастья, но умнеет от слёз», ревет по ночам, когда на носу появляются веснушки и посвящает нежные строки рождению сына.

В сборнике «Смех не грех» раскрылась ещё одна грань таланта Е. Бурчиной. Её незлобивые литературные пародии, басни, частушки вызовут

---

¹ Бурчилина Е.В. Автографы Любви. Стихи. – Вышний Волочёк: ТОТ, 2007. – С. 41.

добрую улыбку читателя. Это скорее юмор, чем сатира. Не случайно здесь можно встретить автопародии и частушки по собственному поводу: «А я, Лена, – хохотушка / Попрою сейчас частушки / Не о стройных, не о тощих / О таких, как я, толстушках».

У Бурчилиной встречаются весьма приблизительные рифмы и неточные выражения, но их немного: «влюблённый разговор», «умиротворение, понимание всего», «слово другу сказать впопад».

Что касается **потока романтической поэзии**, то ей свойственны, как и прежде, противопоставление идеала реальной жизни, возвышение лирического героя над «толпой», двоемирие, с известной долей мистицизма, яркая, подчас, вычурная образность, экзальтация. Разные типы романтизма воплощаются в творчестве Надежды Веселовой, Венены Петровской, Любви Соломоновой, Виктора Королева.

Любовь Соломонова получила по результатам поэтического конкурса журнала «Русская провинция» заняла первое место. В результате был напечатан её сборник «Яблоко небес» (Тверь. Русская провинция. 1997). Действительно поэзия Соломоновой яркая, страстная и привлекает необычной образностью: «Кони быстрые, черные птицы. И куда нас теперь занесло? Между тенью и светом границы – Словно плавящееся стекло». Но в целом это была предпоэзия. Героиня искала себя, пытаясь найти связующие нити между небом и землей, между телом и душой.

В сборнике «27» Соломонова предстает как уже вполне сформировавшийся поэт со своим мировидением, со своей концепцией мира и человека. Главная ценность для неё «ребёнок мой, бессмертная душа». Но надо признать, что это душа больная, которая если и растворяется в природе, то в природе кладбищенской, если и протестует, то протестует в больничной палате для умалишенных. Приоритет своего внутреннего мира над внешним приводит поэтессу к утверждению своего, персонального бога: «Живи во мне, в темноте жаркой, / мой персональный, как код, бог». Вполне справедливо высказывание по этому поводу Михаила Петрова: «Ведь уже был горький и трагический опыт своего, личного бога, и к чему он привел, мы знаем. Личным, семейным, национальным может быть только грех, который дано преодолевать, а не любоваться им».¹ Впрочем, само понятие Бога у поэтессы не несет в себе черты святости. Бог у неё «худой», «глухой», «отчаянный», бог у неё «ломает дрова» и т.д. «Сколько лет, сколько бед, а все нет алгоритма молитвы», – признается поэтесса. «Для неё образы и сюжеты, взятые из Священного писания, это, скорее, мифы, чем символы веры:

На этом гектаре русского леса
есть, право слово, что-то библейское –
песок, будто ноги Спасителя жгущий,
осиновый сук, поцелуйщика ждущий,
две рыбы реки, в пять хлебов пикники,

---

¹ Петров М. Звездно, студено, слезно... // Соломонова Л. 27. Стихотворения. – Тверь: Русская провинция, 2004. – С. 6.

с пригоршнями острых камней дураки.
В резиновой лодке рыбачащий Ной,
Варавва, на коже чьей храм расписной.¹

Таков образ падшего ангела, жителя Ада в стихотворении «Падший ангел бродит сумрачный...» Дух зла властвует в этом мире, мире против которого лирическая героиня выражает романтический протест («Белый конь на сломанных ногах...», «Змей тебя в сердце ужалил, архангел...», «Какую ночь мне снится сон...»). Но inferнальный мир проникает и внутрь лирического сознания: «Инфернальный солнцеед, / изнутри сжигаем пищей, / простирает голосище / до неведомых планет». Это приводит к потере нравственных и эстетических ориентиров, к душевному кризису: «Мне ничего / не хочется, / мне ничего / не можется. / Сколько всего / не нужного – / целая жизнь - / а ну её! / Ни воевать, / ни бражничать, / ни пастухом, / ни стражником, / ни восхвалять, / ни ёрничать, / ни рифмовать, / ни прозничать», Образы, связанные с inferнальным миром проникают и в интимную лирику Соломоновой: «Взгляд как сполох ада», «Вот вычурный бестиарий / врагов, товаров и прочих тварей», «Лыбится демон крагой старой, / хочет звезду», «Подыхаю от ненависти – косая черта – любви».

Поэзия Соломоновой ассоциативно-метафорическая. Она широко использует оригинальные, неожиданные метафоры, выстраивает целые цепочки сравнений:

Весна! О как ты ненавистна! –
С худого бога шерсти клок,
как перегар от гармониста,
как в кураге речной песок,
как пиджачок с пустым карманом
и как фальшивая свирель.
Иерихонским барабаном
звучит в ушах твоя капель.²

Ассоциации у поэтессы связаны с мировой культурой, античностью, русским фольклором. Так, у неё часто возникает ощущение надетой на неё лягушачьей кожи, которую должен сжечь принц. Но его, к сожалению, нет.

Надо признать, что у Соломоновой встречаются неудачные строки и выражения: «Змейский шип», «Хочу познать я удовольствий тайных», «Попляшу да умаюся, задремлю, забаяюкаю», «Поцелуй мои вены, чтобы кровь перестали качать». Вряд ли можно сказать, что вены качают кровь даже в переносном значении. Многие «смелые» высказывания, с моей точки зрения, объясняются непониманием могучей силы образного слова. Вылетевшего из гнезда воробья трудно поймать, а слово тем более не поймаешь. «Я – выкормыш отчаянного бога...», «Чувствуешь ли, где мои колени,,,», «Надо б бабе быть попроще, может поубавить мощи...», – все это эпатаж, а истинные цен-

¹ Соломонова Л. 27. Стихотворения. – Тверь: Русская провинция, 2004. – С. 87.

² Соломонова Л. 27. Стихотворения. – Тверь: Русская провинция, 2004. – С. 17.

ности скорее подразумеваются, чем утверждаются. Впрочем, одна ценность в системе аксиологии Соломоновой незыблема – это великий русский язык:

Шести падежей сила
да трёх этажей злость,
мой русский, тебе спасибо
за белую твою кость.
Язык мой, тебе спасибо
за крови твоей кумач,
за чистый – из ста росинок
словес – ярославнин плач.¹

Основные черты романтического стиля свойственны творчеству **Надежды Викторовны Веселовой**. Н. Веселова родилась и живет в Старице. Окончила Московский кооперативный институт и Калининский политехнический институт. Печатать свои стихи начала в 2001 году. Она автор трёх поэтических сборников.

Поэтесса так определяет своё поэтическое кредо: «Отчизна, дружба, мама, дети. –/ Не сыщешь в мире проще слов. / Но глубиною чувства эти / Внутри понятия любовь». Но эти простые и ясные для понимания темы и мотивы реализуются у поэтессы отнюдь не всегда в простой форме. Она насыщает тексты тропами: метафорами, сравнениями, метонимиями, старается найти оригинальные эпитеты:

Я хочу заблудиться в лучах
И дышать земляничным рассветом,
И туманы носить на плечах
Оренбургскими шальями лета.
Я мечтаю подрадужный край
Переждать под сосновой ладонью
И нырнуть в мой заплаканный рай –
В глубину лугового бездонья.²

Березовый сок ассоциируется с животворной кровью лирической героини («Опять застыла кровь, / Что сладким соком была, / И стала ледяным куском в моей груди»), война – с диким конем («Щетиним холки войн, смердя оскалом»), а осень со строгой дамой («Строгая дама – холодная осень. / Липнет к лицу паутины вуаль»). Тема осени одна из ведущих в её творчестве. Это связано с тем, что многие её стихи пронизаны чувствами грусти, печали, сожаления:

Снова осень – ни прибавить, ни отнять –
Мне глаза щекочет горьким ароматом.
И на пнях грибы осенние опять,
Потому и называются – опята.
Дым встревожено развеял ветерок
И к земле пригладил белые туманы.

¹ Соломонова Л. 27. Стихотворения. – Тверь: Русская провинция, 2004. – С. 83.

² Веселова Н.В. Простые слова. [Стихи] – Тверь: Лилия Принт, 2003. – С. 5.

Я несу опят до будущего впрок...

Жаль, что прошлое приходит слишком рано...¹

Веселова декларирует драматизм, и даже трагизм творческого процесса: «Кружатся стаи мертвых черных слов, / И падают под ноги, словно камни», «Мы врозь болеем страхом темноты. / Я – болью в строки выжатого сердца». Но это скорее на словах. Остроконфликтными её произведения не назовешь. В лучших стихах Н. Веселова стремится передать читателю напрямую от сердца к сердцу, охватившее лирическую героиню чувство, но чаще всего она не достигает единства образной системы, что превращает эмоциональный ряд в некую абстракцию:

Знать места и волком выть

На гнездо луны.

Снять с гнезда и выкормить

Птичку тишины.

Сотню раз пророчица

Вскрикнет из куста.

Все равно захочется

Душу снять с креста.²

Для неё характерна фрагментарность композиции ряда стихов «Я уже умерла», «Остановись», «Как зябко пространство меж миром и нами..» Романтическая вычурность проявляется в использовании соответствующей лексики: апсиды, амброзии, номинал, сакраментальный, неба вычурная финифть, безвременнопостранственный антракт.

Поэтессе не заботит, что читатель может понять её строки не совсем так, как она хотела. «Мой отец навсегда / Уходил после боя. / Разве это года?», – пишет она и непонятно о каких годах идет речь, о военном времени или о молодости погибшего отца? «Упасть хотелось побежденной / Без сил осеннею листвою» – это слишком смелая инверсия, когда непонятно к чему относится слово «без сил». Упасть без сил? Или осенняя листва без сил? Поэтесса считает возможным в одном стихотворении свободно переходить от опоясывающей рифмовки к перекрестной, а затем к смежной («Ни о чем»).

Теплом веет от её стихов, посвященных матери и родному дому: «Между одиночеством и снами / Есть кусочек времени знакомый, / Где припомнишь тихий голос мамы / или аромат родного дома». Но, к сожалению, таких стихов не много.

Романтическая поэзия свободна, она вне закона. Это чувство свободы творчества присуще и Н. Веселовой. Она прямо заявляет: «Вот так и играю – слова ни за что не в ответе, / Стихи вне закона, ведь ими не писан закон». Не случайно в её сборниках можно встретить верлибр: «Бедная девочка! / Его агонию она принимала за море любви. / Но это море было всего лишь изображением / на чистом холсте. / Чистом оттого, что время / давно загрузило все ранние картины», «Очень жаль, / что теперь не существует профессии

¹ Веселова Н.В. Эхо ниоткуда. [Стихи] – Тверь: Триада, 2005. – С. 23.

² Веселова Н.В. Золотого окна икона. [Стихи] – Тверь: Триада, 2008. – С. 35

«трубочист». Наверное, потому, что медные трубы / не успевают засоряться». Но существуют законы русского языка, нарушая которые поэтесса рискует разрушить изнутри своё творение. «Ярко и остро горит лампада», но может ли лампада гореть остро? «На шею, что в объятьях задыхалась», но, наверное, задыхалась лирическая героиня, а не шея. «...Упрямо оглянусь / В квадрат окна – заигранного кадра», но может ли кадр быть заигран? «Бредняковский бред по берегам, / Камышовый шум по побережьям. / А в деревьях вороновый гам, / Будто с сожалением о прежнем», – вряд ли удачен неологизм «вороновый». хотелось бы пожелать поэтессе избавляться от искусственности и придуманности образа.

Еще более субъективна и личностна лирика **Венены Петровской**. Её поэтические сборники «Словом трону губы», «Я в ночь смотрю...», «Краешек имени твоего...» – это собрание медитативной, чаще всего интимной лирики. Она выражает свое отношение к творчеству и поэзии, разворачивает мир воспоминаний и грез, делает попытку открыть непознанное, тайное в себе и вселенной, передает метаморфозы природы и их влияние на чувства человека, вызывая восторг и грусть, прилив счастья и горькие разочарования. Поэтесса стремится преодолеть одиночество, найти свое место в жизни, во взаимоотношениях с людьми, она стремится найти гармонию в жизни, в любви, а природе. Лирическая героиня предстает в исканиях, внутренних противоречиях.

Стих Петровской строится на ассоциациях и метафорах. Часто они неожиданны и масштабны:

Вопреки законам всем и нравам,
Неземное притяжение тоже
Формулу имеет непростую –
Плакать звездами и журавлями.
А к себе – как только можно строже –
Вопреки, вразлет, напропалую –
Выводить себя из равновесья,
Покидая солнцепек мечтаний,
И стучать кастрюлями и сердцем,
Выбирая звуки мирозданья...¹

В такой поэзии нарушается логическая связь образов и некоторые из них кажутся случайными. Эти стихи импрессионистичны, рассчитаны на общее впечатление от целого. Если же анализировать стихи Петровской по строчкам, вдумываться в каждый образ, то не избежать вопросов к автору об адекватности текста реальности. «И золотой плавник –/ Люблю его улов я – Подглядывает в сна / Дырявую суму», – пишет поэтесса, но может ли быть улов у плавника? И может ли плавник подглядывать? А почему сон – это дырявая сума? «Накуй из воска мне свечей церковных» – уж очень не благозвучно и вряд ли свечи можно ковать. А это из описания зимы: «Тампоны

---

¹ Петровская В.П. Словом трону губы. Стихи. – Старица: Старицкая типография, 2007. – С. 6.

снега / В суднах прикроватных». Ассоциация, прямо надо сказать, мерзкая. «Смех серебрится в моей суме. / Я из него приготовлю вина. / В белый кувшин из елейной глины / надо бы их перелить успеть...» Почему глина елейная? И откуда взялось местоимение «их», если речь идет о вине? Не выдерживают критики и некоторые её миниатюры: «Не падай духом. / Кровоподтёки в душе – не дело. / Пусть лучше телом». В целом образной системе Петровской свойственна вычурность и искусственность:

Переплавились лица твоих городов,
и снегами заносит озябшие крыши.
Ты немного простужен,
на фьюжн обижен.
Будет фото со вспышкой,
но это не то...
Закрывая руками пути миражей,
предпоследнее слово выплёвывать с болью,
обреченный смычок натирать канифолью
и засеивать мир полунотным драже.¹

Виктор Александрович Королёв родился в 1974 году в деревне Рыжково Бельского района Тверской области в семье лесника. После окончания профессионального училища и службы в армии работал лесником, но получил производственную травму и ушел на пенсию по инвалидности. Первая публикация стихотворения была в 1987 году в районной газете. В. Королев автор шести поэтических сборников. Он публиковался в различных журналах и альманахах. Одна из ведущих тем в его творчестве – тема природы, тема родной земли. Природа, по словам поэта, стала для него «мудрой матерью, дарящей силы и вдохновение».

Виктор Королев – исполнитель авторских песен, в которых некоторые шероховатости поэтического стиля скрадываются музыкой. На его стихи созданы песни композитором Владимиром Межаниным. Королёв написал гимны для города Белова и подмосковного города Пересвета.

Многие его стихи написаны в романтическом ключе: «Как хочется стать / Хоть на время крылатым / И мчаться, и мчаться / Навстречу луне», «Я не отсюда! Я нездешний! / Я родом из страны мечтаний!», «В зачарованном майском саду / Будто белые лебеди сели. / Я воспел бы твою красоту, / Но её уже птицы воспели». Лирический герой предстает в образе скитальца в мирах вселенной: «Я – скиталец нездешних миров, / Пилигрим неизвестной страны. / Вечно ищущий веру-любовь, / Но встречающий вечные сны!», «Я скиталец земли этой грешной», «Я иду по воле Бога / Вдаль издалека!», «Нет в этом мире Идеала, / Лишь путь извечный в совершенства! / Всегда в пути», «Я так устал блуждать в тумане», «Ты в ночное небо посмотри: / Там душа моя блуждает».

---

¹ Петровская В.П. Краешек имени твоего... Стихотворения. – Тверь: Триада, 2010. – С. 178.

В стихах Королева явно ощутима есенинский размах чувств от элегической грусти до восторга перед миром чудес, от признаний в любви к родине до ощущения трагичности её судьбы:

Сколько сказок, преданий, предвестий
В этом кратком названии «Русь».
В нем – раздолья распевная песня
И какая-то вербная грусть.
Этой сладостной грустью я болен.
Ах! Она и во многих сердцах,
И в молчанье живет колоколен,
И таится в могильных крестах.¹

Трогательно стихотворение «Собачья смерть», которое перекликается по чувству и мысли со стихотворением С. Есенина «Песнь о собаке». Королёв создает стихотворный цикл «Родина». Поэт поэтизирует свой отчий дом, который для него вся необозримая Русь с её чудесной природой, сказками, песнями и мифами. Русь он называет и милой, и нежной: «Мой отчий дом – / Просторный и высокий: Простор земли / И высота небес, / И мир речной, / Печальный и глубокий, / И ветерком волнующийся лес». Поэт обращается с молитвой к Богородице о спасении Святой Руси. Он находит проникновенные слова, чтобы воспеть свою малую родину – Бельскую землю: «Чудо – Бельская земля. / Заповедная сторона! / Златозвонные поля!» Природа для него одухотворена, он персонифицирует образы вербы и липы, дождя и снега, аиста и журавля. По словам поэта, он «повенчан» с природой: «Я жизнью одною с природой живу / Дыханием ветра я душу питаю. / И эти деревья, цветы и траву / Своей колыбелью опять называю». Детали природного мира, его краски и звуки, органично пронизывают всю образную систему поэта: «Я узрел печаль рябины, / Ту, что так близка и мне, / Я услышал козодоя – / То ли песню, то ли стон, / Совье гуканье лесное, / Соловья хрустальный звон». Особенно часто он рисует осенние пейзажи («Осенний лес», «До свидания, лето...», «Осень»).

Выходя на философский уровень осмысления бытия, Королев ставит проблему: Я и Мир. Он стремится «Весь белый свет в один букет собрать / И в теплом море вечности купаться». Он раздвигает пространство до звезд, а время до вечности. Благодаря этому, его образы подчас приобретают глобальный обобщающий смысл: «Огонь костра взлетающий – / Как отражение звезд – / То яркий, то мигающий / В миллионах алых слёз... / В дыму огня негнеленного / Есть тайна бытия, / В нём – целая Вселенная, / А где-то в ней и я». По его словам, «Бесценность жизни – бесконечность тайн», «Обнажится перед сердцем Божья тайна, / Вновь даря восторг, боль и любовь». Таинственны и природный мир, и мир духовный:

Вечер, вечер, вечер росный!
Свет снаружи! Свет внутри.

---

¹ Королёв В.А. Вербная грусть. Стихотворения. – Нелидово: Нелидовская типография 2002. – С 11.

Тайна! Тайна! –
Свет нездешний!
Мудрость! Радость! Высота!
Это мы бываем грешны.
Красота – всегда свята!¹

Собственно и смысл своего поэтического слова он видит в том, чтобы расшифровать «тайны души и земли».

«Философский пафос присущ его стихам «Не вечны голубые небеса...», «Затеряться бы в дымке тумана...», «Века отсчитывает рок...», «Сон», «Неба синь – душа моей любимой...» Поэт мечтает: «Подобрать бы к Вечности ключи. / Запереть бы боль, тоску и страхи», «Заглянуть бы в иные миры!». Он утверждает: «Я – песчинка в космическом смысле, / Но попавшая Богу в глаза». Одной из ведущих тем в его творчестве стала тема судьбы («Вновь ночь зажигает...», «Вздыхнул и над землей вознесся...», «Бич судьбы», «Мы на судьбы дороге...», «Продвиженья в судьбе нележки...»). Он выступает за духовную свободу личности, у него проявляется бунтарское начало: «Как демон, заключенный в преисподней, / Я цепи рву и мучусь от тоски...» В его стихах заключена философия жизни, философия любви.

Постепенно в стихах Королева появляется ощущение присутствия в мире Бога. Правда, развитие этой темы у него далеко от канонов православной церкви. Это сказывается и в понимании греха («И не может любовь грешить: / Страсть – огонь, / Но огонь очищения»), и в понимании Бога («Благая мысль – / Не всякая от Бога!»). Характерен дизайн обложки его книги «Из сердца глубины»: пирамида с всевидящим оком на её вершине, как на американском долларе. Это явно масонская символика.

В ряде произведений Королев стремится осмыслить тему поэта и поэзии (О творчестве), «Кони – сдохли. Сломалась карета...»)

Интересны и формальные поиски поэта. Его внимание к инструментовке стиха. Например, сквозная рифма в стихотворении «Сорочья трескотня». Королев, несомненно, талантливый поэт, но ему ещё надо оттачивать своё поэтическое мастерство. Некоторые строки Королёва риторичны: «Пушкай погаснет зла и горя пламя. / И пусть сияет светлый праздник дня!», «О! Как же нежна / И нужна красота!» Поэт злоупотребляет использованием инверсии: «И болит сердце очень», «Как лучи с неба солнца», «Но не слышат моих в мире слов», «Душа – на пропасти краю...». «Шепчут мудрость озёр камыши». У него встречаются явно сырые, неудачные строки: «Пушкай лицо не минуло морщин», «Иду я нервами по линии судьбы», «И много за чувства страдал», «За деньги даже, уж, целуют» «Ум отбросил мрачны думы», «От порывов буйных счастья», «С новой силой и задором, вдохновясь в искристом свете», «И печаль свою измерил вброд», «Я сегодня, как цветок, алею – / Чтобы завтра ярче расцвело». Допускает он и ритмические сбои.

Среди десятков непрофессиональных, самодельных авторов можно выделить тех, кто, несомненно, отмечен искрой Божьей, кто обладает поэти-

---

¹ Королев В.А. Из сердца глубины. – Старица: Старицкая типография, 2005. – С 43.

ческими способностями и талантом. Это Полина Громова, Владимир Зорин, Вячеслав Дорогов, Кирилл Глазов, Ксения Дмитриева, Марина Сергеева, Наталья Саблина и др. Каждый из молодых тверских поэтов своеобразен в силу своего характера, особенностей мироощущения, идеалов и устремлений. Этих авторов можно рассматривать как резерв Тверского отделения Союза писателей.